

A romantic couple embracing in a modern interior. The man is shirtless, and the woman is wearing a white spaghetti-strap top and light blue jeans. They are standing in front of a large window, with soft light filtering through. The background shows a blurred living room with a sofa and a coffee table.

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

90 АНА САКРУ
МУРАШЕК

Ана Сакру
До мурашек
Серия «Керефовы-Лютики», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69542686

SelfPub; 2023

Аннотация

Первую любовь невозможно забыть. Даже спустя годы он отлично помнит, как сладко заходило сердце от каждого её ласкового взгляда, как жарко скручивало внутри от её чистой улыбки... И как хотелось выйти в окно, когда она предала. Сейчас она – лишь уставшая, холодная тень той хрупкой девчонки, по которой он подростком сходил с ума. Он тоже давно променял юношескую восторженность на здоровый скептицизм. Жизнь научила. И их не связывает ничего, кроме мало приятных воспоминаний. Вот только почему от её мимолетной улыбки его до сих пор так пробирает? До мурашек.

Содержание

Глава 1. Лёвка	4
Глава 2 Лёвка	10
Глава 3 Лёвка	15
Глава 4 Лёвка	20
Глава 5 Гулико	24
Глава 6. Гулико	32
Глава 7. Гулико	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ана Сакру

До мурашек

Глава 1. Лёвка

Самолет, накренясь, описывает круг, заходя на посадку. Под его серебристым крылом расстилается заметно разросшийся за последние годы Краснодар. Подавшись к прохладному стеклу иллюминатора, я внимательно всматриваюсь в распластавшийся внизу город моего детства и юношества. Город, в котором в свое время я был и самым счастливым, и самым несчастным мальчишкой на Земле. Город, которому вновь предстоит стать мне родным.

Ну, здравствуй, брат. Не думал, что вернусь? Я тоже.

Когда-то кричал, что ноги моей здесь не будет, а оно, видишь, повернулось как. "Никогда не зарекайся" потому и набило оскомину, что слишком уж часто в яблочко.

***

– Ну, Лёв, давай, – Лешка Комарин, КВС (командир воздушного судна в гражданской авиации), крепко жмёт мою руку, а потом и вовсе обнимаемся с ним, хлопая друг друга по спине. Рядом мнутя девчонки – стюардессы, улыбаясь и тоскливо поглядывая на меня.

Отступаю от Лехи и жму руку его второму пилоту. Маль-

чишка молодой совсем, я его почти не знаю. Так, чисто как зовут и все... С Лешкой же мы летали вместе, было дело, но теперь уж вряд ли повторим.

– Эх, жалко всё -таки, – Комарин упирает руки в бока, щурясь от яркого южного солнца, – Может, передумаешь еще, а, Лёв?

– Я уже забрал документы, – поправляю спортивную сумку на плече – мой единственный багаж. Оказалось, что в новую жизнь мне и брать особого нечего. Или не хочется ни хрена.

– Да Романов тебя с радостью обратно. Провожали, он чуть не плакал, – хмыкает Леха.

– И уже сюда подал, – повторяю то, что Комарин знает итак.

– Мда, – чешет затылок под фуражкой, – И когда заступаешь? КВСом хоть?

– Конечно. Через три недели выхожу, попросил пока время дух перевести. У отца тут дом на Домбае. Родители его в сезон сдают обычно. А сейчас ремонт как раз затеяли. Там поживу, присмотрю за бригадой и заодно воздухом подышу.

– Ты ж там родился? – вспоминает Лешка мои редкие рассказы о своем детстве.

– Да.

– Ну, родной дом – это хорошо. Дома и стены помогают, – вздыхает Лешка и снова кидается меня обнимать, – Ну, давай, брат, пока. Эх, жалко, что ты так решил...Лучше бы

остался в Питере. Город большой...

– А работа одна, на хрен, – отрезаю я.

– Девчонки, пока, – салютую стюардессам, отступая от Лешки.

– Удачи, Лев Александрович, – поют нестройным хором с пробивающимися нотками сожаления.

Криво им улыбаюсь, подмигнув. Эх, что ни говори, а приятно. Да, девочки, и по вам я тоже буду скучать. Машу ребятам на прощание, запрыгивая в последний трансфертный автобус. Двери плавно закрываются, отрезая меня от взлетной полосы и стоящих на ней людей.

Может пожалею еще, что решил так резко поменять свою жизнь: уволиться из Пулково, уехать из Питера, где прожил последние десять лет. Может и пожалею, но сейчас мне кажется это единственно правильным решением. И впервые за весь этот долбанутый месяц дышится если ни легко, то точно легче.

Точно расстояние способно сгладить весь тот трындец, в который превратилась моя жизнь. словно, сменив город, я смогу изменить и все остальное. Говорят, от себя не убежишь. Но, как-то много лет назад, у меня один раз получилось, так что попробуем.

***

Предупреждать о своем приезде я никого не стал. Зачем? Встречать меня в Краснодаре из Домбая – дело хлопотное, слишком уж много километров. К тому же я все рав-

но решил взять напрокат машину. Своей у меня теперь не было. Все бывшей оставил, кроме разве что трусов с носками, небрежно закинутых в спортивную сумку, которая валяется теперь на заднем сидении выдавшего виды прокатного аутлэндера. Ключи родительского дома жгут карман. Их мне передала мать, приезжавшая неделю назад в Питер в командировку. Хотела заодно поговорить по душам, обсудить мой развод. Очень настойчиво хотела.

Только не о чем тут говорить.

Что я ей скажу? Что сам не заметил, как и когда мы с женой стали практически просто соседями? И что меня это, в общем, устраивало? Что я догадывался, что у нее кто-то есть, но мне было по сути плевать? Что, когда она сказала, что уходит и Мишку забирает с собой, я стал спорить только из-за Мишани? А у Кати на это случилась натуральная истерика, и она меня чуть торшером не прибила, оря, что я бесчувственная сволочь, и что никогда не любил ее, и что она всю жизнь будет ненавидеть меня?

Это я должен был собственной матери рассказать?

Я такое вообще не знаю, как рассказывать. Тем более, женщине... Сожаление и стыд – не те чувства, которыми люди охотно делятся. А мне было именно до зубовного скрежета жалко свою неудавшуюся семью и стыдно, что, наверно, Катька права, и я сам в этом виноват.

Это, конечно, не снимает с нее ответственности за то, что она стала назло мне сосать, как оказалось, нашему проект-

ному юристу, но что долго мне даже было не особо интересно выяснять, кто ей по ночам пишет – факт.

Любил ли я Катю? Мне казалось, что да.

Просто я не очень эмоциональный человек, и ей наверно не хватило. Но мне казалось, что у нас нормально всё. Как у всех. Казалось, что в моей жизни никакого развода и измен не будет. Я был уверен в этом, потому что думал, что уж Катя точно меня любила.

Мы познакомились с женой в Пулково, куда я после авиационного пришел зеленым вторым помощником. Катя была стюардессой в нашем экипаже. Жгучая брюнетка, кокетка, хохотушка, красавица, ровесница. Через полгода мы поженились. Сам не очень понял, как это произошло. Наверно, я просто сильно нравился ее маме, а мне было неудобно Зинаиду Никитичну разочаровывать.

Отношения, в которых было очень много общей работы, интересов и одного и того же круга общения, казались ровными и устоявшимися. Мне казались....

Вдруг обнаружилось, что Катю не устраивало вообще ничего. Она считала, что я ее не люблю, не хочу, не ценю, и очень громко орала мне об этом прямо в лицо в ответ на мои тоже не тихие вопросы, какого хера она решила связаться именно с Крыницким, ведь мы же все вместе работаем.

Что я почувствовал, когда все вскрылось?

Глухую, размазывающую по полу злость. Злость на жену за то, что поломала устоявшуюся жизнь. Злость, что нагади-

ла на работе и тем унизила меня перед коллегами. И страшную растерянность из-за Мишки.

Это мой сын! Куда она, блять, с ним собралась?! К Юрику этому?!

Ни хрена!

Но Мишке всего шесть...А Катя объективно хорошая мать. И летает она в разы меньше. Да и в Питере живет целая армия ее и моих родственников с материной стороны, с радостью готовых быть няньками...

Как бы мне не было от этого больно, но реальность складывалась так, что пока Мише с мамой будет лучше.

Так что месяц проагонизировав с Катей в бесплодных и явно запоздалых попытках выяснить отношения, я оставил им с Мишаней квартиру, машину, недостроенную дачу, деньги на счету, а сам подал документы в несколько аэропортов, пообещав себе, что поеду в первый же, где мне пообещают сохранить должность КВС. Этим городом и оказался Краснодар. Областной центр моей малой родины.

И сердце смутно защемило. Неясной нотой дрогнуло что-то внутри.

А может быть, это судьба? То, что после стольких лет, я снова возвращаюсь на юг, чтобы попытаться начать жизнь заново.

Глава 2 Лёвка

Дом, бывший мне родным первые четырнадцать лет жизни, встречает черными проемами окон, стылым сумраком внутри и совершенно незнакомыми запахами. От прошлого осталось лишь расположение комнат и стенка в стиле лофт в гостиной – и то, видимо, потому, что приварена к стене она была намертво, да и смотрится даже спустя столько лет вполне современно.

Когда я учился в девятом, у отца с матерью случился "кризис" – этим словом потом при разговорах было принято обозначать то, что батя – инструктор по туризму, после большой ссоры с мамой и небольшой дозы алкоголя в крови умудрился трахнуть свою сотрудницу прямо во время похода с группой, в которой были и мы с Алиской – моей младшей сестрой. И этот факт никогда не всплыл бы наверно, если бы я, выйдя отлить, не заметил характерные отсветы теней в его палатке и не присел рядом подождать и посмотреть, кто же оттуда выйдет.

Посмотрел...

Всю ночь потом бродил в зимнем лесу около лагеря, не в силах вернуться в свою палатку и просто лечь спать. Колотило дико, но не от холода и забивающегося в ботинки снега.

Я решил, что отец давно изменяет матери, и чувство было такое, что это не ей, а мне он изменял.

Больно? Это не то слово.

Нет вообще такого слова, которое способно описать, как у тебя за пару секунд рушится весь привычный мир. Только грохот горного камнепада стоит в ушах и удушающая пыль, от которой ничего перед собой не видишь.

Многие мои ровесники – подростки стеснялись родителей, пытались от них отделиться, ненавидели семейные выходные, мечтая удрать к друзьям. Со мной такого не было никогда. Я ходил за отцом хвостом повсюду, мечтал тоже стать альпинистом как он, ждал, когда папа начнет меня в настоящие восхождения брать. Мне было четырнадцать, и я свято верил, что мой отец – самый лучший. Настоящий мужчина, надежный, преданный, всегда знающий, как поступать.

А тем утром, когда я выпалил ему в лицо, что видел его с другой, он чуть не плакал, молол какую-то чушь про то, что сам не понял, как так вышло, и умолял матери его не выдавать. И это было еще большее, чем узнать, что способен отец предать мать.

Вот этот мужчина, которого я боготворил, оказался вдруг обычным человеком. Запутавшимся, неуверенным, слабым. Я смотрел на него и не знал, на что вообще теперь опираться. Почвы-то под ногами нет. Я считал свою семью чем-то нерушимым, а она разлетелась как карточный домик буквально через несколько дней после того, как мать все-таки узнала, что произошло в том походе.

Она, будучи импульсивным человеком, одним днем со-

брала пару чемоданов, забрала наши с сестрой документы из школы, и мы переехали из Домбая в Москву, оставив отца в этом доме одного.

Тот период своей жизни я помню плохо, потому что каша в голове от всего произошедшего давала интересный эффект – так как внутренние переживания были сильнее внешних раздражителей, у меня отчетливо отпечатались пережитые сильные эмоции, а вот как звали к примеру моих новых одноклассников, я сейчас ни за что сказать не смогу.

С отцом я помирился через пару месяцев – все-таки я слишком сильно его любил и люблю, но для меня это уже был другой человек. Теперь я знал, что и он может ошибаться. Его мнение уже не было последней инстанцией, и я начал предпочитать думать своей головой и не строить иллюзий.

Я осознал тогда в первый раз в полной мере, что идеальных просто нет. А потом еще ни раз в этом на своей шкуре убедился.

Никого нельзя ставить на пьедестал. Никого.

Потому как именно этим пьедесталом тебе через какое-то время и прилетит. И чем он выше, тем будет больней.

Что касается матери, то примерно через полгода настоячивых отцовских попыток вернуть семью, родители все-таки помирились. Но в Домбай мама отказалась ехать наотрез, а папе, помешанному на горах и дикой природе, совершенно нечего было делать в Москве. В итоге компромисс был найден в самой дальней возможной точке – Владивостоке, куда

мы и снова переехали, чтобы начать жить заново.

Отец продал туристический комплекс на Домбае, включающий гостиницу и базу, деду и дяде, а дом, который строил сам, не смог. Рука не поднялась, оставил нам с сестрой в наследство. И все это время, уже почти пятнадцать лет, наш дом сдавался туристам как элитный двухэтажный коттедж, который сейчас, в майское относительно межсезонье, нуждался в плановом косметическом ремонте.

Я щелкаю выключателями на своем пути, внимательно осматривая коридор, ванные, гостиную, комнаты на втором этаже. Кидаю свою сумку в самой большой спальне, которая раньше была родительской. Я бы ушел с свою бывшую комнату, но здесь есть прекрасный балкон-терраса, а я давно и плотно курю. Пить с моей работой даже при сильном желании особо не получится, так что с выбором вредной привычки было практически без вариантов.

Шаги глухим эхом расходятся по пустому дому, возвращаясь ко мне волнами зябкого одиночества. Тишина стоит такая, что, кажется, я слышу, как кружатся пылинки вокруг. И темнота. Сейчас я всему этому даже рад. В последний месяц было столько разборок и криков, что я уже и себя не слышал. Хочу вот так. Один.

Только спустившись на первый этаж, вспоминаю, что неплохо бы перекусить. Зачем-то лезу в холодильник, который конечно же пустой и даже отключен. Кошусь на большие настенные часы, стрелки которых уверенно подбираются к

десяти, а значит местный супермаркет уже закрыт. И, устало проведя пятерней по затылку, решаю сходить в кафе при бывшей гостинице моего отца, которая как раз буквально за забором.

Глава 3 Лёвка

В уютном полумраке кафе легко скрыться от возможных встреч со знакомыми, если точно знаешь, где расположен самый уединенный столик. Кивнув какой-то новенькой девчонке- администратору, быстрым шагом направляюсь туда. Здраваться и улыбаться никому не хочется. Разговаривать тем более. Я слишком задолбался для этого, руля сюда из Краснодара почти девять часов. Завтра будет новый день и начнется ритуальный обход родственников и старых друзей, сейчас же я настроен просто поесть и завалиться спать.

– Здравствуйте, ваше меню, может быть что-то сразу принести? – тоже неизвестная мне девчонка-официант озаряет дежурно-вежливой улыбкой.

– Да, сациви, салат по-грузински и лимонад.

– Какой?

– Любой, – отпускаю ее.

Девочка уходит, улыбнувшись еще раз и скользнув по мне заинтересованным взглядом, а я тону в накиданных на кресло подушках, нервно крутя пачку сигарет в руке.

Озираюсь, подмечая детали. Ремонт дед с Теймуразом глобальный не делали, но потертостей нигде нет. Уютно, колоритно.

Внутри немного дребезжит от накатывающей ностальгии. Все такое знакомое вокруг и такое чужое. Будто пытаешься

влезть в старый пыльный башмак. Когда-то любимый, но...

Со своего места я отлично вижу практически весь зал, вход в ресторан и барную стойку. Меня же разглядеть не так просто за ветками живого дикого винограда, плетущимися по стальным ниткам, натянутым до самого потолка. Это маленький столик в самом конце кафе, за мной только подсобка и черный вход в отель. В ресторане достаточно людей, но все они будто за стеклом, в другом измерении, и такое искусственное камерное уединение расслабляет. Наблюдаю за залом, растекаясь в кресле, пока жду свой заказ. Замечаю несколько знакомых лиц из тех гостей, кто постарше. Молодых я тут не знаю совсем, да и туристов много даже в не сезон.

Девчонка -официантка возвращается с лимонадом и льдом, хотя я не просил. Улыбается шире, стреляет глазами, спрашивает про десерт, пытается понравиться. Говорит, что домашнее вино и чача у них очень вкусные. Мне хочется хмыкнуть в ответ, что мне ли не знать, если эту чачу гонит мой собственный дед. Но я лишь отпускаю ее кивком головы, раздумывая, что давно же я тут не был, если весь увиденный персонал мне не знаком и успел поменяться. Сколько прошло? Лет пять, не меньше.

Чаще бабушка с дедом мотались к нам в Питер, потому и необходимости как-то не было. Да и не хотел я сюда...

Девчонка возвращается с салатом и тонкой кукурузной лепешкой. Улыбается опять, щебеча, предлагает закуски.

Сдаюсь и лениво улыбаюсь в ответ, поднимая на нее взгляд.

– Ладно, принеси...

Какое-то неуловимо знакомое движение за ее спиной привлекает мое внимание. Концентрируюсь на женской фигуре у барной стойки. Это что...???

Охренеть.

– Что принести? – повторяет девчонка.

Перевожу на нее невидящий взгляд. Сердце бахает о ребра тяжело и гулко. Это не самая здоровая реакция, но я не в силах контролировать выброс гормонов стресса в кровь. Только его осознавать. Вижу, как у официантки шевелятся губы, но не слышу слов ни черта. В ушах шумит давление.

– Нет, ничего не хочу. Иди, – говорю резче, чем это позволено в таких ситуациях.

У девушки сползает улыбка с лица. Поджимает губы. Кажется, обиделась, и возможно плюнет мне в сациви. Впрочем, без разницы, потому что аппетит пропал.

Снова впиваюсь взглядом в Гулико у барной стойки. Делаю вдох – выдох. Первая обжигающая волна спадает, уступая место холодному, темному раздражению.

Эта сучка что тут забыла, а? Где она там должна быть? В Мюнхене? К родителям что ли в гости приехала? И именно сейчас... Блять...

– Подожди, – останавливаю ретирующуюся помрачневшую официантку, – Давай чачу. Двести. И закуску на твой вкус.

Улыбаюсь девчонке, но она не расцветает в ответ, потому что и сам чувствую, что моя улыбка сейчас больше тянет на угрожающий оскал.

Девушка кивает и молча испаряется, а я снова упираюсь жадным взглядом в Гулико, что-то объясняющей бармену. Ищу изменения, ревниво отмечая даже самые микроскопические. Я слишком хорошо ее помню, чтобы не замечать. Эгоистично хочу, чтобы подурнела, постарела – ведь сколько лет прошло, и такая травма была, но она...

Я вижу ее гибкую, длинную шею, горделивую посадку головы, изящный профиль, и во рту скапливается вязкая горькая слюна. Оказывается, есть такой тип женщин, которые в тридцать выглядят, кажется, даже лучше, чем в цветущие восемнадцать. Раньше Гулико была просто красивой девчонкой, а стала настоящей женщиной. Сдержанная, полная достоинства улыбка, завораживающие движения тонких кистей, когда она подкрепляет свои слова жестами, балетная осанка, черные как вороново крыло волосы забраны в высоких хвост на макушке, подчеркивая скульптурные от природы скулы, просто элегантная одежда, которая ей очень идет, хотя не бросается в глаза... Она словно модель из рекламы Коко Шанель прошлого века.

Стучу пачкой по столу, чувствуя невероятное желание выйти и покурить. Но тогда она меня заметит... А я не хочу. Или хочу – чисто реакцию посмотреть. Бля, я не знаю.

Хотя смысл прятаться – если она тут, значит скоро у род-

ственников мы увидимся все равно. Надо выйти. Но я сижу и тупо продолжаю пялиться. Гулико нервным движением проводит по щеке, чуть хмурит брови вразлет, бросая ищущий взгляд по залу, и снова сосредотачивается на бармене. Чувствует, как прожигаю ее глазами? Не удивлюсь. К ним подходит еще девушка- администратор, что-то обсуждают уже втроем.

Неожиданно передо мной вырастает официантка с сациви и чачей. Так и не улыбается больше. Интересуется, все ли это и быстро исчезает. А я поднимаю округлую рюмку, наполненную дедовским алкоголем.

Ну, моя первая дурная любовь, за тебя!

Желаю тебе завтра отсюда свалить, чтобы лишний раз нам не пересекаться.

Глава 4 Лёвка

Даже опрокидывая рюмку, не отвожу от Гулико взгляд. Не могу. Внимание болезненно концентрируется на женском тонком профиле. Горло обжигает алкоголь, нервным жаром разливается в крови. Время вязнет. Гулин разговор с барменом и администратором не может длиться долго – не о чем им говорить. А значит через каких-то несколько минут она уйдет. И я жду и не жду этого момента, откидываясь на спинку кресла и усилием воли заставляя тело более-менее расслабиться. Не мигая, наблюдаю за ней.

Может подойти?

Бля, зачем? Нам давно не о чем говорить.

Пачка сигарет жжет руку, и я так и кручу ее в ладони, то и дело постукивая бумажным ребром по столу. Гулико коротко встряхивает головой, перекладывая гладкий черных хвост блестящих волос с одного плеча на другое, и сознание играет со мной злую шутку, донося фантомный запах ее пряно-свежих духов, который в реальности я конечно не способен уловить с такого расстояния. Но память слишком услужлива...

Сука...

И шея такая же длинная, будто она африканские кольца на ней носила...

Непроизвольно сжимаю пустую рюмку крепче, рискуя раздавить. Пальцы гладят стекло, которое почти такое же

ровное и прохладное, как по воспоминаниям, ее кожа. Вижу даже выпирающие хрупкие позвонки на холке. Зависаю на этих незащитных косточках, и Гулико, чуть нахмурясь, трогает именно это место на шее сзади рукой. Будто чувствует.

Резко оборачивается и упирается в меня взглядом.

У меня немеет лицо. Кажется, у нее тоже.

Я не вижу ее глаз отчетливо, но по тому, как она застыла, уверен, что у Гули расширяются зрачки. Вижу, как беспомощно приоткрываются губы. И этот ее очевидный шок приносит хоть какое-то моральное удовлетворение. Я не один тут в ауте от внезапной встречи.

Что, тоже не ждала, да?

Мои губы сами собой дергаются в кривой улыбке. Сдержанно киваю, сверля Гулико тяжелым взглядом исподлобья. Все-таки не чужие люди, да?

Принято хотя бы здороваться.

В ответ она заторможено моргает и...отворачивается. Продолжает что-то администраторше говорить, будто вообще не узнала меня.

С таким же видом она могла бы задержать взгляд на грязной тарелке, рассеянно слушая бармена.

Но задержала на мне и просто отвернулась.

Просто отвернулась...Блять!

Сердечный ритм шумно разгоняется во второй раз за последние пару минут. Накрывает. Вот же сука, а... Я сижу будто оплеванный. Хочу почему "будто"?!

Я себя таким идиотом чувствую, что прямо ощущаю, как по мне стекает литров десять отборного дерьма.

Даже не кивнула...

Скулы начинает печь приливающей кровью, словно я опять тощий подросток, которому девушка не улыбнулась в ответ. Это настолько дебильное, неуютное и давно забытое чувство, что я беззвучно смеюсь сам над собой, закрыв ладонями лицо.

Гуля, блять... Ну как ты умудряешься это делать со мной, уже давно взрослым мужиком?

Это так абсурдно, что я даже злиться перестаю.

Не хочет здороваться – пусть. Пошла она вообще... Детский сад.

И она, и правда, уходит. Проводит на прощание тонкой рукой по плечу девушки – администратора, коротко машет бармену и быстро направляется к выходу, так и не повернувшись больше ни разу в мою сторону, даже глаза скосив.

Какая же все-таки...

Опрокидываю еще рюмку, морщась и не закусывая, пока Гуля торопливо пересекает зал, направляясь к выходу. Едва уловимо припадает на левую ногу при ходьбе. Замечаю только сейчас, что не на каблуках, а в демократичных мокасилах. Травма, точно. Дед рассказывал, что идет на поправку, но походка у нее явно пока не своя. Какая-то скованность в левой ноге.

Что, Голубка, оттанцевалась?

А, плевать...

И все же во рту собирается горечь, пока провожаю ее хрупкую фигуру взглядом. Внутри рвет смутными противоречиями. Мне не то, чтобы ее жалко, живая же, но... Интересно, больно ей ходить? Осанка вон какая даже с переломанным бедром. Ладно... Не мое это дело.

Наконец Гулико исчезает в дверях. И будто пустеет кафе, хотя народу вокруг полно.

Тихая музыка, звон посуды, оживленные голоса, приглушенный смех, но всё мимо меня.

Медленно выдыхаю, пытаюсь осознать, что это было вообще. Что за реакция дебильная у меня?!

Только сейчас замечаю, что мелко потряхивает, словно вся кожа зудит. Растираю лицо, анализируя.

Да ведь ничего же не произошло. Вообще ничего. Что ж так перекутило, а?

Больше не повторится. Это просто шок первой встречи спустя... Сколько? Почти десять лет? Десять лет, да...

Как же это было давно.

Я уже не тот наивный идиот, и она совсем-совсем не та.

Хотя, черт ее знает, какой она вообще и тогда была. И я тогда, как оказалось, вообще ее не знал.

Ну, увидел и увидел. Надо пойти перекурить только. Так хочется, что просто труба.

Глава 5 Гулико

Хлопнув водительской дверью, я включаю зажигание, сжимаю похолодевшими пальцами руль и так застываю, уставившись прямо перед собой.

Кажется, только сейчас делаю первый судорожный вдох. Перед глазами медленно рассеивается бурая пелена охватившего нервного возбуждения. Расфокусированный взгляд скользит по зданию кафе, гостиницы, парковке.

Это ведь был он, да?

Он стал совсем другой...

Лишь серые пронзительные глаза и кривая нахальная ухмылка выдавали в нем того восемнадцатилетнего мальчишку. И в первую секунду я решила, что обозналась. Что это подсознание так шутит со мной.

А потом он кивнул, здороваясь, и улыбнулся одними губами. Улыбнулся, а взглядом будто на костре сжег. И у меня, и правда, внутри всё вспыхнуло. И раскаянием, и обидой. И больше всего сожалением.

Мне так жаль, Лёв...

Если бы ты знал, как мне жаль! Но ведь ты тоже предал меня. Ты ведь знал, какая я была слабая. Знал, что мне на кого, кроме тебя, опереться. Знал и ушел.

Но ведь у тебя всё хорошо? Любимая работа, жена, сын... Все оказалось к лучшему, да?

Так что не смей теперь с такой холодной, затухшей злостью смотреть на меня. Не смей.

Мне так плохо стало от его взгляда, издевательски сочтавшегося с кривой ленивой улыбкой, что даже сил кивнуть не нашлось. Просто отвернулась.

Да и нужны ему мои приветы? Конечно, нет.

Что он тут забыл вообще? Десять лет не появлялся, и вдруг как черт из табакерки. Приведение.

Профиль жгло, шею ломило от желания повернуться и проверить, не почудился ли он мне всё-таки.

Но гордость перевесила. На автомате, мало что соображая, закончила разговор с Ксюшей и Павлом, и трусливо сбегала из кафе, прилагая невероятные усилия идти ритмичнее, чтобы не заметил мою хромоту.

Только не он. Не знаю почему, но только не он. Глупо.

Судорожно выдыхаю, прикладывая ладонь ко лбу. С нажимом провожу по похолодевшей коже пальцами.

Так...

Надо успокоиться. И я дышу – дышу, пока тело не наливается привычной, равнодушной ко всему усталостью. У постоянной меланхолии есть свои плюсы – в ней сонно и спокойно.

Приехал, значит? Что ж...

Интересно, один или с семьей? За столиком был один, но может жена в туалет вышла?

Впрочем, какая мне разница, Господи?!

Главное теперь узнать, как долго он тут пробудет, чтобы на это время к дедушке в гости не приходиться – можем нечаянно встретиться. Мы ведь – одна семья.

В этой мысли губы кривит холодная усмешка, и я, прежде чем начать выезжать с парковки, лезу в сумку за телефон, чтобы прикрепить его на приборную панель. Но смартфона не нахожу. Чёрт. Похоже, забыла его на барной стойке – так спешила побыстрее ретироваться.

Это что же? Мне опять идти туда?!

Чё-ё-ёрт!

От подобной перспективы стону в голос и бьюсь головой о руль. Замираю, прижавшись лбом к кожаной оплетке, сильнее стискиваю её пальцами. И, выдохнув, снова выхожу из машины.

Просто зайду и выйду, да?

Время близится к полуночи, и на улице царит зябкая ночная прохлада, пробирающаяся под тонкое платье. Обхватываю себя руками, просовывая ладони подмышки, пока бреду обратно к кафе. На ступеньках террасы приходится расцепить руки, чтобы схватиться за перила. Лестницы теперь – мой отдельный личный ад. Каждая ступенька как гвоздь в крышку гроба всего, чем я раньше жила.

Одна, вторая, третья...

На четвертой я застываю, перестав дышать, потому что дверь кафе распаивается и на пороге появляется Лёва.

Прямо передо мной.

Я вскидываю голову от неожиданности. Мой взгляд упирается в кадык на мужской шее, задевает твердую линию подбородка, плотно сомкнутые губы и останавливается, не в силах подняться выше, к глазам.

Повисшая тишина больно звенит в ушах. Лёвка засовывает одну руку в карман джинсов, а в другой сжимает пачку сигарет. Чувствую, как смотрит в упор. Лицо горит. Между нами каких-то пара метров, и это невероятно глупо – делать вид, что я его и сейчас не узнала или не заметила.

– Здравствуй, – произношу глухо, зачарованно смотря, как дергается его шея, когда сглатывает.

Звук моего голоса будто взрывает эту плотную тишину вокруг. Она рушится и осыпается осколками вокруг, возвращая миру его реальные будничные очертания. Это просто случайная встреча и всё. Ничего больше.

Наконец смотрю Лёве в глаза. В них отстраненность и показная скука.

Так и надо, да. Всё правильно.

– Привет, – бросает он насмешливо и хрипло.

Делает пару шагов от двери, уходя вглубь небольшой террасы. Опирается одним бедром о деревянные перила и достаёт из пачки сигарету, продолжая разглядывать меня.

А мне нужно преодолеть еще шесть ступенек. Чёрт. Под его взглядом и без того слабые колени превращаются в желе. Щеки пощипывает злой румянец. Не хочу при нем ковылять... Не хочу!

Сука, а... Может подождать, пока докурит? Нет, это просто смешно. Мне что теперь, всё время при нём застывать?

Лёвка выпускает вбок густое облако сизого дыма. Щурится, чуть склонив голову.

– Помочь?

– Я сама, – почти рычу и делаю шаг.

Он неловкий, я в курсе, но мне уже давно его помощь не нужна.

– Как хочешь, – расслабленно пожимает плечами, скользя оценивающим по моей фигуре, – Что, с танцами всё?

– Бестактный вопрос, – тихо огрызаюсь, переступая еще одну ступеньку.

– Вопрос или факт? – хмыкает.

– Тебя это радует?

– Мне плевать. Просто поддерживаю беседу.

– Для поддержания беседы принято говорить о погоде, – выдыхаю, так как еще одна ступенька позади.

– Или справиться о здоровье, – холодно улыбается.

– Я вполне здорова. На венок можешь не собирать, – зеркалю его улыбку, которая сползает с губ, когда перехватываю его тёмный взгляд.

Мурашки бегут по предплечьям, поднимая волоски, и хочется поежиться и закрыться. О чем он думает, так смотря? Что до сих пор ненавидит меня? Или ему меня жалко? Резко отворачиваюсь, обрывая зрительный контакт. Лучше бы первое...

Последняя ступенька. Преодолев, чувствую себя гораздо уверенней, хожу я уже хорошо...

Ощущая на себе пристальное мужское внимание, от которого покалывает всё тело, делаю было пару шагов ко входу в кафе, но что-то тормозит, а потом и вовсе разворачивает меня за плечи и толкает в Лёвкину сторону. Я не знаю, я ... Просто хочу еще поговорить.

И украдкой рассмотреть его поближе. Он так изменился. Он – совсем мужчина, совсем другой. И я хочу его разглядеть. Пока медленно подхожу к нему, Лёва молчит, но вижу, как напрягаются его плечи, хоть он и пытается это скрыть, как снисходительно щурит глаза. Не хочет, чтобы ближе была.

Ему неприятно? Наверно. Но мне плевать. Переживет каких-то пару минут.

Останавливаюсь совсем рядом и упираюсь ладонями в перила. Левая рука оказывается так близко от его бедра, что чувствую жар чужого тела, покалывающий кожу. Нос щеко-чет терпкий аромат геля для душа и чего-то такого, что только его – мужского,пряного, на уровне энергии, которая плотным коконом окутывает меня.

– Сигаретой угостить? – Левка смотрит на меня вполоборота, выгибая светлую бровь.

– Я не курю.

– А я курю, – хмыкает, затягиваясь.

– Насколько ты приехал?

– Около месяца.

– Почему так долго?

– Хотела бы, чтобы меньше? – чуть наклоняется ко мне, криво улыбнувшись.

– Просто интересно, у тебя же работа.

Не отвечает.

– А ты? – спрашивает вместо этого.

– Я... – прикусываю щеку, медля с ответом. Не хочется его посвящать, но он все равно узнает, – У меня на прошлой неделе закончилась реабилитация. Потом будет еще одна, но в перерыв пока тут. У родителей.

– Ясно, – отзывается ровно, – Какие прогнозы?

Кидаю на него выразительный взгляд. Кивает, молча. Он уже самое главное сказал – на сцене мне больше не танцевать. Остальное уже не так важно.

И без того неловкий разговор совсем обрывается. В голове тягучая пустота, на языке тяжелым грузом вертятся ненужные, лишние слова. Дышать получается через силу. Даже вот так просто стоять рядом с ним мне мучительно и тошно. Но я не могу пошевелиться, не могу уйти. Ноги будто к террасной доске приколотили. Опускаю голову и разглядываю свой маникюр. Секунды мучительно тянутся. Лёва делает последнюю затяжку и тушит сигарету в пепельнице, оставленной на перилах.

Внутренне подбираюсь, ожидая, что сейчас он оттолкнётся бедром от перил и коротко бросит "пока", но он тоже про-

должает стоять.

Только уже не боком опирается, разворачивается к перилам спиной и просовывает руки в карманы джинсов. Не смотрит на меня – глядит себе под ноги, чуть хмурясь и, кажется, о чем-то задумавшись.

– Я не поздоровалась, потому что растерялась, – вырывается из меня само собой.

Резко поворачивает ко мне голову, смотрит в упор. В его глазах совершенно непонятная, напряженная эмоция, и у меня в груди вибрирует в ответ. По телу разливается душевное тепло.

– Извини, – добавляю.

– Ничего...

– Ладно, пока, – нахожу в себе силы оттолкнуться ладонями от перил и уйти. Наконец!

– Пока, Гуль, – провожает меня долгим взглядом.

Глава 6. Гулико

Если первой моей реакцией на внезапную встречу с прошлым был шок, то спустя полчаса я ощущаю лишь давящее, плотное, как туман в низине, опустошение. Сильные эмоции накрыли и схлынули, оставив только усталость после себя.

Больше мы с Лёвой не разговаривали. Пока я забирала телефон, Лютик успел вернуться за свой дальний столик, укрытый разросшимся в больших напольных горшках диким виноградом. И я лишь коротко кивнула ему, обернувшись, прежде чем выйти из кафе. Даже взгляд не стала ловить – так и не знаю – видел он, что я попрощалась, или нет.

Это неважно.

Уже давно ни черта неважно между нами, потому что давно ничего нет.

Кинув ключи от машины на полочку в предбаннике, захожу в родительский дом. Здесь тихо, темно, пахнет старой добротной мебелью и острыми специями. Кажется, что дом спит, но это не так. Слабая полоска света пробивается в коридор из-под кухонной двери, слышен приглушенный звук работающего телевизора и мамина возня у плиты. Готовить в такой поздний час она может только по одной причине – отца дома до сих пор нет, а она нервничает и так сбрасывает едкое раздражение.

Застываю в коридоре, раздумывая, пойти к матери на кух-

ню или прошмыгнуть в свою комнату на втором этаже, но мама всё решает за меня.

– Дочка, ты? – доносится из-за неплотно прикрытой двери.

– Да, – со вздохом отправляюсь на кухню.

У мамы заняты все четыре конфорки и даже духовка включена. Месит дрожжевое тесто с каким-то остервенелым усердием. Бросает на меня режущий взгляд.

– Ты что так поздно? – ворчливым тоном.

Присаживаюсь на высокий табурет. Устало тру ладонью лицо и подпираю кулаком подбородок, оглядывая мать. Когда-то красивая, и даже сейчас вполне привлекательная, она выглядит изнуренной. Будто устала не только сегодня, а годами копила это в себе. Темные круги под глазами, глубокие носогубные складки, поджатые губы, вертикальные морщины на лбу.

– Ты же сама мне заданий столько дала, пока везде прокатилась... – отзываюсь вслух.

– Много ей заданий, а у меня так каждый день, и ничего, живу, – с упреком.

Предпочитаю пропустить колкость мимо ушей. Рассеянно верчу солонку в руках.

– Есть будешь? – спрашивает мать.

– Двенадцатый час, не хочу, – отставляю солонку.

– Скоро костями загремишь, лица нет, вся зеленая, – на одной ноте выдает мама словно заклинание.

Этот выпад тоже игнорирую. Вступать с ней в пререкания – только дать возможность скинуть в меня негатив как в мусорный бак. А я сегодня и без того полна другими эмоциями.

– Мам, а ты что на кухне, тебе же плохо было, полежала бы, – перевожу тему.

У моей матери диабет, и сегодня с самого утра скакал сахар. Полдня она пролежала стонущим полутрупом в кровати и ближе к вечеру загрузила меня своими обязанностями, которые не в состоянии была выполнить сама. Например, ехать в кафе при их с отцом гостинице и забирать акты на алкоголь. Если бы не это, с Лютиком бы сегодня не пересеклись...

– Да не спится что-то, – отворачивается мать к плите, поджимая губы.

– Что, отца до сих пор нет? – спрашиваю очевидное.

Мама молчит, не сразу отвечает, а потом всё-таки цедит сквозь зубы.

– Пришел около девяти, а в десять опять ЭТА позвонила, что-то у нее с газовой колонкой там... Других же мужиков нет, только мой. А он и поперся, хвост распустил, спасатель хренов. И вот до сих пор...

– Звонила?

– У меня по-твоему совсем гордости нет? – тут же вскидывается мать.

И на это я тоже предпочитаю ничего не отвечать.

В кухне повисает вязкое тяжелое молчание. На сковородке начинает шкварчать первый чебурек, я снова задумчиво

кручу солонку в руках. ЭТОЙ моя мама называет тетю Надю, бывшую или настоящую любовницу моего отца (я предпочитаю не лезть в эти дебри) и маму моего единокровного брата Гоши, которому уже четырнадцать.

Все эти бразильские страсти, развернувшиеся в нашем доме пятнадцать лет назад, прошли как-то мимо меня, потому что на тот момент, когда отец изменил матери с тетей Надей, с родителями я уже не жила – поступила в хореографическое училище и уехала в Краснодар. И мне кажется, мама до сих пор не может простить мне то, что я не стала принимать ничью сторону и вообще к новости о том, что у меня будет брат, отнеслась достаточно спокойно.

Тогда для мамы мир рухнул, а мне было совершенно не до того – я танцевала и была безумно, в первый раз влюблена...

– Кстати, я в кафе Лёвку Лютика встретила, – выпаливаю неожиданно для самой себя.

Наверно, мне необходимо было хоть с кем-то поговорить об этом, пусть даже с ней, с самым неподходящим для этого человеком. Новость так и вертелась на языке, зудя.

Стоит произнести Левино имя вслух, как мой пульс сразу подскакивает, переходя в частый и нитевидный, а дыхание затрудняется, так как ком сковывает гортань. Смотрю на спину матери и чего-то жду.

Замечаю, как у нее мгновенно каменеют плечи после моих слов, как застывает она на секунду и подчеркнуто аккуратно переворачивает чебурек.

– В нашем что ли кафе? – не оглядываясь на меня, интересуется.

– Да.

– Что это он... Приехал что ли? С женой?

– Был один, – пожимаю плечами.

– Вы не говорили разве? – все-таки оборачивается и цепко смотрит.

Так цепко, что я невольно ежусь и отвожу глаза.

– Так, поздоровались только... – бормочу.

Становится совсем неуютно, лицо жарко вспыхивает, атмосфера давит. Помедлив с пару секунд, отталкиваюсь от стола и встаю с табурета.

– Ладно, мам, я устала, спать пошла, спокойной ночи, – подхожу к матери и целую ее в прохладную щеку. Она перехватывает мое плечо и пару раз успокаивающе похлопывает.

– И тебе спокойной. Конечно, дочка, иди.

Глава 7. Гулико

Окна в моей спальне настежь распахнуты, ароматная и свежая майская ночь будто дышит, колыша легкие занавески. А меня мучает фантомная духота, не давая уснуть. В голове вязкий сумбур из воспоминаний и мыслей о прошлом.

Лезет-лезет-лезет в сознание всякая ерунда. Пожелтевшими фотографиями мелькает былое, и не верится, что жизнь завела меня именно в эту точку, в этот момент.

Или это я сама себя завела...

Ведь всё начиналось совсем по-другому.

Лёвку я знала всю жизнь. Так получилось, что формально мы оба – внуки моего деда Вахтанга и члены одной большой семьи, хотя по крови – не родственники.

Мой дед овдовел достаточно молодым, оставшись с тремя дочерьми – школьницами на руках, одной из которых была моя мама. Около десяти лет он прожил один, но потом все-таки женился на прекрасной женщине, Марине Владимировне, у которой был уже взрослый сын Саша.

И хотя отцом дядя Саша называть деда Вахтанга так и не стал, но отношения у них сложились уважительные и самые теплые, по-настоящему родственные. Поэтому для Лёвы и его младшей сестры Алисы мой дед Вахтанг был самым настоящим родным дедушкой, а они для него – такие же любимые внуки, как я и другие мои двоюродные братья и сестры.

Но, несмотря на это и на то, что жили мы все буквально на одной улице, Лёву я братом никогда не называла, да и не относились к нему так. Это забавно, потому что Алису, младшую сестру Лёвы, с которой мы учились в одном классе, я искренне считала своей любимой сестрой.

А он был мне совсем чужим и незнакомым. Дерзким мальчишкой постарше с соломенными волосами и льдистыми серыми глазами. Я даже чуть-чуть побаивалась его – слишком уж независимо, по моему мнению, вел он себя с родителями, слишком шумные компании выбирал, слишком бывал острым на язык и любил задираться.

А я была совсем не такой. Я росла тихой и спокойной девочкой, во всем слушающей свою мать и не смеющей возразить ей. Мать, которая недолюбливала Лёвкину семью, и моё общение с Алисой и Лёвкой, мягко говоря, не приветствовала. Она не говорила это вслух, потому что такие выпады пресекал мой отец, но все было итак понятно по ее поджатым губам, когда Алиса прибегала к нам, чтобы вместе сделать уроки или просто поиграть. Поэтому потихоньку она перестала приходить, и после школы к ним в дом стала заглядывать я.

До сих пор помню, как мучительно краснела каждый раз, когда в их доме случайно натыкалась на Лёву. Как тупила глаза в пол и ни слова не могла ему сказать. Он равнодушно кидал "привет", а я сгорала от непонятного смущения и только кивала. Я для него была тихой неинтересной малыш-

ней очень долго, класса до седьмого, а потом...

Время шло, мы выросли. Больше гуляли, чаще пересекались в общей компании. Наши отцы стали периодически брать нас в горы на маршруты полегче, и как раз в этих походах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.